

ОТ РЕДАКЦИИ

Об Аркадии Арканове — замечательном писателе, постоянном авторе «Юности» — еще многое скажется. Ведь Арканов ушел из жизни в прошлом году и мемуарная история о нем его друзей и близких пока не велика. Сегодня, так сказать, первая ласточка...

Я не знаю, почему у него была кличка Аркан и почему все его так звали. Смыслового значения эта кличка не имела никакого. Бывает, что человек приобретает прозвище за какую-то свою отличительную черту характера или внешности. Например, Сиплый или Кувалда. Моя фамилия вообще сама по себе звучит как кличка — Качан... Недавно одна гламурная дама поинтересовалась, мол, это у меня фамилия или псевдоним? «Ни фига себе псевдоним!» — подумал я и ответил, слегка растерявшись от такого предположения, что это — фамилия. «Странно», — сказала гламурная дама и отвернулась.

А Аркан, скорее всего, — сокращенный вариант фамилии, хотя Арканов вот именно псевдоним и есть. При этом как звучно, броско, я бы даже сказал — афишно! Аркадий Арканов! За таким именем, созвучным с фамилией, можно было бы

предположить какого-нибудь эстрадного конференсье в рубиновом пиджаке с блестками, фиолетовой бабочкой, с набриолиненным пробором и тонкими, тщательно подстриженными усиками героя-любовника из немого кино. Но кличка Аркан все возвращала на свое место, приземляла всю пышность имени Аркадия вместе с фамилией. Хотя надо признать, что он совсем не был чужд некоторого шика и лоска в одежде, обуви, состоянии лица, модных очках и особенно галстуках. В галстук-бабочке я его тоже видел, но все же предпочтение он отдавал традиционным галстукам, прозванным в народе селедками. Он любил свои галстуки, и они любили его. Взаимная элитарная привязанность.

Аркан ни в коем случае не походил на конференсье, а походил на члена палаты лордов Британского парламента. И по манере поведе-

ния тоже. Его сдержанность в выражении чувств сначала удивляла, затем некоторых даже обижала, но затем продолжавшие с ним знакомство, приятельство и даже дружбу потихоньку привыкали. Я редко видел его улыбающимся и почти никогда — смеющимся. После рассказанного кем-то безусловно смешного анекдота или истории Аркан вяло произносил, точнее, выцеживал из неподвижного рта одно лишь слово: «Смешно!» Дождаться от него хохота было бы равносильно надежде на оживленную беседу с египетским сфинксом. Впрочем, некоторые анекдоты он придумывал сам и рассказывал их, не особо рассчитывая на реакцию, ибо сам в это время все-таки не гомерически, но — смеялся. Скорее, глуховато хихикал.

Может быть, он с кем-то когда-нибудь и ругался, однако я не могу даже представить себе такого. Никогда не слышал, чтобы Аркан просто повысил голос в разговоре. Всегда уравновешенный, невозмутимый. Ему, врачу, другие врачи настоятельно рекомендовали не курить. Ему, курившему десятки лет, стало любопытно — сможет ли бросить. Просто любопытно, а вовсе не потому, что обеспокоился о здоровье. Не курил месяц. Преодолел ли тягу, ломку заядлого курильщика, трудно ли было — он об этом никогда не говорил, не делал свое расставание с сигаретой чем-то исключительным, каким-то событием, о котором почти все бросившие курильщики говорят беспрестанно как о некоем мужском подвиге. Нет! Аркан сказал мне месяца через два, когда я вдруг вновь увидел его с сигаретой. В ответ на мое почти возмущенное удивление — мол, ты что наделал, ты же бросил, почему опять закурил, характера не хватило? — он мне спокойно так: «Понимаешь, я завязал, не курил ровно месяц. Понял, что могу, без особых страданий. Понял, что смогу бросить в любой момент, когда захочу. Успокоился на эту тему и снова закурил». Проверил — и достаточно!

Курение или что-то еще привело к онкологии — не знаю. Да, по-моему, об этой клятвой, разбушевавшейся в последнее время онкологии, и в частности у Аркана, вообще никто не знал, до последнего момента. Я случайно узнал в одном санатории, в который прибыл на лечение, а он буквально вчера оттуда уехал. А был тут на очередной процедуре химиотерапии. Потом эти процедуры продолжались уже в Москве. Видно, скрывать в том санатории, потом там же восстанавливаться у него уже не было сил: все-таки далековато ездить. И никто ничего не знал. Он продолжал выступать, участвовать в моих концертах (ко дню рождения Л. Филатова и других), выпивал, общался,

смеялся. Исполнял то, что я у него все время просил. Потому что восхищался и задумкой, и реализацией. Он перевел мировую литературную классику в попсу, Левон Оганезов снабдил это такой же специальной музыкой, и Аркан запел. Ну, разумеется, номер был рассчитан все-таки на мало-мальски образованную публику, которая кое-что в жизни все-таки читала. Получался своеобразный песенный комикс, краткое попсовое изложение мировой классики. И когда я впервые услышал от него песни «Идиот», «Анна Каренина», «Фауст» и другие, исполняемые к тому же с предельной серьезностью, — хохотал буквально до слез, что бывает со мной чрезвычайно редко.

До самого конца он продолжал оставаться тем же Арканом, которого все знали — без намека на драму, на финал, на конец жизни. И выпустил крохотную карманную книжечку, маленький, но толстенький такой томик с говорящим названием «По дороге туда». Без всяких слез и тоски по поводу уходящей жизни, без типичной для творческих людей меланхолии — нет! — один смех. Джаз в прозе и стихотворных опытах. Джем-сейшн с самим собой. Один из самых преданных поклонников джаза, Аркан — осознанно или нет — и в этой, финальной фазе своей жизни выглядел и вел себя нетипично. Ассоциации тут прямы и однозначны: веселые похороны в Нью-Орлеане, когда виртуозы джаза за гробом шарашат такие диксиленды, что покойнику впору незамедлительно встать и принять участие в этом похоронном концерте, подчиняясь заводному ритму черных музыкантов. Молчать всем! Запрещаю плакать и говорить языком некрологов! В крайнем случае — спокойно, интеллигентно. Редкое и ни в коем случае не бросающееся в глаза мужество и аристократизм.

Но хулиганский, мальчишеский огонек постоянно тлел в глубине души аристократа Арканова, и время от времени, не в силах больше таиться и сдерживаться, он прорывался наружу ярко и даже нахально. Впрочем, все знают, что талантливая наглость и нахальная импровизация рождают в публике симпатию и одобрение, при условии, конечно, что там действительно присутствует талант, потому что наглость без таланта и обаяния исполнителя не вызывает ничего, кроме досады и жалости. Дерзкие остроты Арканова в адрес уважаемых и популярных людей простительны были лишь потому, что отличались именно талантом и остроумием!

Николай Сличенко даже среди коллег по табору театра «Ромэн» считался первым. Все цыгане, не говоря уже о других народностях, преклонялись перед его летящим голосом. Его любили в

те годы и члены Политбюро, и даже сам генсек... Естественно, что его звали на все брежневские домашние торжества, и он ездил и пел им. А что делать? Попробуй-ка откажись! И, узнав об этом, Аркан назвал Сличенко так: «цыганистый калий».

Как-то в апогее «развитого социализма» друзья Марка Розовского праздновали его, кажется, второе бракосочетание в одном из ресторанных залов гостиницы «Россия». И было это накануне 9 Мая, Дня Победы. В данном случае ресторан был двухэтажный. На верхнем этаже шла свадьба М. Розовского, а внизу, прямо под нами, праздновали 9 Мая офицеры. Все рядом и не разделено. Можно было со своего места, посмотрев вниз, увидеть все, там происходящее. У офицеров был весьма обширный стол, в два-три раза больше нашего. А еще у них был баянист. Все внизу были уже изрядно пьяны, особенно баянист. С баяном на груди он принимал очередную рюмку водки и ненадолго засыпал. При этом, как ни странно, баян ему не мешал. Минут через пять-десять он снова оживал и сразу бил по кнопкам своего инструмента. Мелодии песен военных лет тут же подхватывала вся компания. И патристический шум наполнял собой все пространство, в том числе и наш этаж вместе со скромным свадебным столом. Только кто-то встанет и поднимет бокал, намереваясь произнести теплый душевный тост за счастье новобрачных, как именно в этот момент громоподобно раздавалось «С берез неслышен, невесом слетает желтый лист» или «Кипучая, могучая, вовек непобедимая»... Неважно — что именно, главное — громко! И вот однажды Арканов, уловив короткую паузу внизу между криком и «Катюшей», встал и произнес то, за что в то время могли бы и посадить.

— Господа! — тихо, но торжественно сказал Арканов. — Сегодня утром красные заняли Воронеж!

Или позорил сборную тогда Чехословакии по хоккею следующим образом: их хоккеистам, вечным соперникам СССР, придумал оскорбительные имена, но фонетически очень схожие с чешскими именами и фамилиями. К примеру, вратарей он наградил фамилиями НЕвзял и Пропустил. А уж нападающий Питер Частны, который доставлял наибольшие хлопоты нашей защите, чем, вероятно, особенно злил болельщика Арканова, удостоился от него чудовищного имени Пидор Гнойны... Остальных не помню, но это и хорошо, так как они были составлены из абсолютно непечатных слов. Аркан — несомненно, хулиган! Прошу прощения за невольную, неуклюжую рифму. Всегда сохраняя внешнюю благородную невозмутимость и создавая у окружающих ложное впечатление, что они имеют дело с идеальным образцом интеллигентности, Аркан обладал тайными золотыми запасами отборного русского мата. Он использовал его только в исключительных случаях, когда матерное слово настолько точно ложилось в цель, что казалось — без него тут, в этой фразе ну никак невозможно!

Тут напрашивается пример такого рода из собственной биографии, но, естественно, связанный с Арканом, так как он был непосредственным участником того эпизода, о котором пойдет речь, и в конце его произнесет слово, подчеркивающее смысл, и потому незаменимое.

Помимо рассказов, миниатюр, пьес, у Аркана есть одно произведение крупного формата, повесть, в которой фигурирует один доморощенный поэт, абсолютно беспринципный тип, сочиняющий,

как и Васисуалий Лоханкин у Ильфа и Петрова, стихи на любую нужную тему, но все же специализируется по большей части на теме патриотической. В частности, у него есть совершенно невероятные стихи под названием «Голубь мира». Все не процитирую, но и того, что помню, достаточно для незабываемого впечатления. Это след, который Арканов навсегда выжжет в моем мозгу беспощадным пером своего ехидства и презрения к дуракам, густо населяющим наше литературное пространство. Вот эта «нетленка».

Кой-кто на Западе стремится
Нам жить как следует мешать.
Но мы, простые люди — птицы,
И мы всегда хотим летать.
У нас есть тоже голубь мира!
Он смел, отважен и силен.
И на борьбу с врагами мира
Его мы, сизого, пошлем.
И он взлетит — веселый, ловкий,
Он — наша гордость и кумир.
Взмахнет своей боеголовкой —
И на Земле наступит мир!

Написал сейчас это и подумал — до чего же актуально, особенно теперь. Как бы пригодился сегодня этот поэт со своими бессмертными строчками. Уж сколько лет прошло, а ведь по-прежнему «Кой-кто на Западе стремится нам жить как следует мешать». И, похоже, так будет всегда...

Так вот, этого поэта в повести пригласили на домашний концерт за скромные деньги. Он приглашение принял и поехал... Но в реальной жизни это произошло со мной и Аркадием. А дело было так...

Однажды утром мне позвонили и очень вежливо предложили то, что сегодня у артистов называется словом «корпоратив», который является для них обычной практикой и источником дополнительного и весьма солидного заработка. Однако следует напомнить, что это было глубоко советское время, и поэтому предложение звучало совершенно необычно, тем более что речь шла не о чьем-то личном празднике, дне рождения или свадьбе, где все-таки присутствует много людей и будет хоть какое-то подобие концерта. Наоборот, вежливый абонент, стараясь быть предельно деликатным, чтобы сразу не нарваться на отказ, поведал о том, что концертом мое выступление назвать нельзя, потому что все будет проходить в квартире и всего лишь для нескольких людей числом около десяти. Озадаченный и даже слегка ошеломленный, я замолчал на несколько секунд. Абонент, озвучивший только что все минусы, тут

же стал отыгрывать очки, сообщая о плюсах, как то: 1) все будет чрезвычайно доброжелательно и интеллигентно, никакого жлобства, там меня знают и уважают; 2) работа не пыльная — всего-то полчаса попеть свои песни под гитару; 3) машина, разумеется, иномарка, привезет, подождет и отвезет обратно; 4) заплатят пятьдесят рублей. Хотите — сразу, еще до поездки, а хотите — после выступления; 5) и, наконец, самое главное: я там буду не один, а с писателем Аркановым. Он полчаса почитает, а я столько же попою.

Последний аргумент в корне изменил мое отношение к сомнительному предложению и ко всей ситуации в целом. Вдвоем, тем более с Аркановым, не так страшно и неудобно, да и 50 рублей на дороге не валяются, тем более что эта сумма составляла половину моей месячной зарплаты в театре. Короче, мое вялое сопротивление было сломлено, и я, с очевидным для абонента трудом, согласился.

В назначенный день и час за мной приехала обещанная иномарка. «Машина “Вольво” не всяким приезжает», — подумал я тогда с успокоительным тщеславием, тем более что водитель вышел, обошел машину, открыл заднюю дверь и пригласил меня в салон. Так в американских фильмах приглашали какого-нибудь гангстера или кинозвезду. После этой протокольной посадки в автомобиль поехали за Аркановым, который жил неподалеку, на углу Садового кольца и бывшей улицы Чехова (теперь Малая Дмитровка). Он вышел, тот же ритуал посадки, и мы тронулись. Но перед этим водитель протянул нам по конверту с гонораром, демонстрируя тем самым солидность и надежность предприятия. Мы с Арканом переглянулись и разом отказались, также солидно заявив, что возьмем деньги только после выступления, чтобы все было по-честному.

Квартира была где-то на юго-западе, и подъезд был с ковровой дорожкой, консьержкой и современным стерильно чистым лифтом. Дверь открыли приветливые молодые люди, которые помогли нам снять верхнюю одежду и проводили в комнату-салон. Ну просто Версаль!

В большой комнате у стены стоял журнальный столик, на нем микрофон для записи на магнитофон, который стоял тут же рядом на элегантно табуреточке. Еще на столике стояла открытая бутылка французского коньяка, блюдце с орехами, два стакана с апельсиновым соком и другое блюдце с порезанным на дольки лимоном. А также, естественно, два пузатеньких бокала под коньяк. Ну все, все предусмотрено! Как только мы присели, кто-то из хозяев наполнил на треть нашу конь-

ачную посуду. Ну конечно, не полными же бокалами хрюпать дефицитный «Курвуазье». Выпить и даже пригубить мы отказались, мол, перед выступлением — ни грамма. Огляделись. Напротив нашего журнального столика, в больших мягких креслах и на диване, расположилась компания из четырех пар молодых людей — юноши и девушки и еще две девушки, без юношей. Почему они были без пары — выяснится позже. Перед слушателями тоже стоял журнальный столик с тем же самым, что и у нас с Арканом. Тем не менее никто не пил, и все держались парламентарно. Хотя «парламентарно» в сегодняшнем представлении — это с дракой и скандалом, когда все бессмысленно галдят и перебивают друг друга. Но тогда! Что вы! Все они держались строго и даже чопорно. Кстати, еще по пути водитель объяснил, что мы едем в гости к детям высокопоставленных чиновников и министров. Может, воспитанием и объяснялась их манера держаться и общаться.

Ну что ж, начали... Первым выступил Арканов. Он прочел несколько своих рассказов и передал слово мне. Я уже немного успокоился, так как видел: аудитория реагирует на рассказы Аркана правильно и осмысленно. Смеется именно там, где надо, и не смеется — где не надо. Аркан тоже чуть расслабился и даже отпил немного коньяку. Дальше я спел штук пять-шесть своих песен и опять передал эстафету писателю. Теперь и я сделал глоток из своего бокала. Опять минут двадцать читал Аркан, и завершил наш «концерт» я с пятью песнями. Все писалось на магнитофон. Финал. К нам подошли, сердечно поблагодарили, мы еще немного выпили с хозяевами и стали собираться. Некоторое время нас уговаривали остаться и вместе провести остаток вечера, но мы были тверды в своем намерении уехать. Это было объяснимо. Мы и так чувствовали себя в какой-то степени «лакеями» — хоть и на час — обычных отпрысков состоятельных людей из советского светского общества. И пытались все-таки сохранить дистанцию и не сблизиться.

В прихожей мы начали одеваться, и тут подошли те самые «лишние», без пар, девушки. И тоже стали уговаривать остаться. Стало понятно, кому они были предназначены этим вечером. Девушки, надо сказать, были — что надо! Обе в длинных, каких-то серебрястых, струящихся платьях, подчеркивающих фигуру. А фигуры были идеальны-

ми. И вообще, по сегодняшним меркам, девушки были моделями европейского уровня. И лица, конечно... Хорошенькие, обаятельные девушки, которых не хотелось бы обижать отказом в ответ на их разногласие: «Мальчики, ну куда же вы так рано? Зачем вы так торопитесь? Мы могли бы очень хорошо отдохнуть, выпить, потанцевать...» В значении этих слов трудно было усомниться, тем более, что сопровождалось все прямыми, лукавыми и кокетливыми взглядами, обещающими впоследствии невероятное наслаждение и незабываемый секс. Собрав последние остатки чувства собственного достоинства, мы ответили отказом, твердо отдавая себе отчет в том, что потом, быть может, сильно пожалеем об этом. Девушки, которым отказали в первый и, скорее всего, в последний раз в жизни, пожали плечами и удалились вглубь квартиры. Парень, видимо, хозяин этой квартиры, улыбаясь, вручил нам наши конверты с деньгами, напомнил, что наша машина ждет нас внизу и сказал напоследок: «Жаль...»

Дверь за нами захлопнулась. На лестничной площадке перед дверью мы постояли молча. Аркан вытащил из кармана пачку сигарет, медленно вынул одну, медленно достал зажигалку и не спеша закурил. Затем он выкатил на меня свои близорукие глаза, затаился и произнес: «Нас за эти деньги еще и поиметь хотели!» Мы сели в машину и, не сговариваясь, поехали в ресторан ЦДЛ, в котором и прокутили благополучно наш квартирный гонорар, залив водкой наше воображаемое актерское унижение, которого, быть может, взаправду и не было вовсе...

Однажды, порядочно давно это было, мы делали ТВ-передачу «Окно», центральным персонажем которой был Аркан. Мы беседовали о разном, на чертовом колесе катались, на бильярде играли, пиво пили и разговаривали о важном и неважном. Главным было — создать портрет такого Арканова, какого никто и никогда не знал, за исключением самых близких друзей. В финале я задал ему самый банальный вопрос, который тем не менее считал главным. «Есть ли у тебя какая-то мечта или очень сильное желание? Но одно! Если есть, скажи...» Аркан, даже не задумываясь, ответил: «Я хочу, чтобы у сына все сложилось, чтобы он нашел себя и чтобы у него все было хорошо...» Он тогда опять подумал не о себе...